

Ап. ГРИГОРЬЕВ

Западничество в русской литературе

(отрывок)

<...> Наиболее беспощадный в отрицании из друзей Пушкина, наиболее способный ясно видеть всякую фальшь и смело назвать ее фальшью, был, конечно, благородный и глубокомысленный автор «Философских писем», П. Я. Чаадаев, строгий, последовательный, безукоризненно честный мыслитель — столь же бестрепетный перед крайностями той мысли, которая казалась ему правдой, как перед ударами и шутками судьбы, хотя бы удары ее были удары немаловажные, а шутки — печальные шутки!¹

II

Чтобы понять значение чаадаевского отрицания в ту эпоху и самое значение ее для последующего процесса нашего сознания, — необходимо разъяснить, что именно разбито было отрицанием.

Карамзинские литые формы, принятые на веру «романтически-народною» эпохою, разлившиеся на огромное количество исторических драм, в которых кобенились Минины и хвастали Ляпуновы², и исторических романов с изображениями предков, снятыми прямо с кучеров их потомков, — формы, тяготевшие над эпохою даже и тогда, когда она думала с ними бороться (в лице Полевого), образовывали известное мирозерцание, давали известное *слово* для объяснения нашей сущности, нашей народности...

Как только слово это признано было фальшивым словом правдивою отрицательною натурою, оно стало для нее ненавистным и враждебным, как всякая ложь. Чаадаев, как теоре-

тик, не понял только одного, — что сама народность несколько не виновата в ее фальшивых представлениях.

Не поняла этого и вся его школа, т. е. западничество. Совершенно правый в отрицании фальшивых представлений о нашей народности, взгляд Чаадаева не мог остановиться на одном этом отрицательном пункте. Вместо того чтобы сказать как аналитик: «Русская жизнь, как и русская история, не подходят под те рамки общеевропейской жизни и общеевропейской истории, под какие подвел их Карамзин: следует поэтому искать в русской жизни и в русской истории особенных свойств и законов, на основании которых выведены будут или положительные различия, или более правильные аналогии с европейской жизнью и европейской историей», — Чаадаев прямо сказал, что в нашей жизни и истории нет никакой аналогии с общечеловеческим, законным развитием, что мы какие-то идолы, выбранные судьбою для указания: что может быть с племенами, отпадшими от целостности, от единства с человечеством.

Но обвинять Чаадаева за его вывод можно только в увлечении слепого фанатизма; требовать от него спокойного разъяснения вопроса, который был для него не мозговым, а сердечным вопросом, могло разве одно тупоумие «Маяка»³ и других мрачных изданий, в его время, впрочем, и не существовавших.

Помимо того обстоятельства, что для Чаадаева идея единства человечества облечена была в красоту и величие католицизма, которыми увлекся он тем сильнее, что, человек с жаждою веры, он воспитанием своим был совершенно разобщен с бытом своего народа, так сказать, прельщен католицизмом и его идеалами, — как вообще некоторые из людей его сословия нередко бывали и доселе еще бывают «прельщены» даже в наше время; помимо, говорю я, этого чисто личного и сословного обстоятельства, он, как натура правдивая и честная, был глубоко возмущен теми последствиями, которые вытекали из блестящих, но фальшивых форм Карамзина, мирозерцанием «романтически-народной эпохи»... Удержаться в границах, как Пушкин, он не мог: он обладал только отрицательной стороною пушкинского духа, а не носил в себе, как наш великий поэт, непосредственного чутья народности.

Мирозерцание же «романтически-народной эпохи», как только литые карамзинские формы разменялись на мелочь исторических романов и исторических драм, оказывалось или детски-смешным и жалким, или даже оскорблявшим всякое, на известной высоте стоявшее сознание и всякое правильно воспитавшееся человеческое чувство.

Деятели этой эпохи — наиболее пользовавшиеся успехом в массе публики, за исключением блестяще-даровитого и энергического Марлинского, которому только недостаток *меры* и вкуса препятствовал быть одним из замечательнейших писателей, — были М. Н. Загоскин, Н. А. Полевой, И. И. Лажечников и впоследствии Н. В. Кукольник. <...>

Еще раз: если бы такова была наша народность с ее бытом и историею, какую является она во взглядах этого направления, Чаадаев был бы совершенно прав во всех беспощадных последствиях своей мысли. Право было бы совершенно и западничество.

III

Письмо Чаадаева не вдруг и не прямо принесло все свои плоды. Первоначально оно наделало только шуму и скандалу своими страшно резкими положениями и только через пять лет отдалось в нашем умственном сознании рядом явлений, связанных одною мыслью, бывших результатом одного процесса... И понятно, что школа, доктрина образовалась не вдруг, равно как понятно и то, что доктрина провела мало-помалу все резкие положения, высказанные зараз смелым теоретиком, но провела их совершенно из других основ. Основой Чаадаева был католицизм, основою западничества стала философия.

